

УДК 800:(802.0+803.97)

Н. Ю. Линевич

**МЕСТОИМЕННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ
В ШВЕДСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Предпринимается попытка проследить историю выражения уважительности на примере личных местоимений 2 лица в шведском и английском языках, исходя из понятий «власть» и «солидарность» Р. Брауна и А. Гилмана (1960), а также теории вежливости П. Браун и С. Левинсона.

54

The aim of the present work is to study and compare the use of pronouns for second person reference in English and Swedish in terms of the two dimensions, power and solidarity, suggested by Brown & Gilman (1960) and the theory of politeness by Brown & Levinson. The history of expression of esteem by personal pronouns is traced through as well.

Ключевые слова: обращение, личные местоимения 2 лица, показатель уважительности, позитивная и негативная вежливость.

Основным специфическим моментом шведского языка по сравнению с английским служит наличие двух вариантов местоименных обращений, выбор между которыми осуществляется с учетом прагматических факторов, и, в первую очередь, критерия принципа вежливости. Аналогично русскому языку в шведском возможно обращение на «ты» (*du, din/ditt* «твой», *dig* «тебе») и «вы» (*ni*, совпадает со 2 лицом множественного числа по форме, ег «ваш, вам»); при выборе второго варианта для подчеркивания уважения может использоваться также и написание *Ni* с прописной буквы.

Однако ранее существовавшее четкое деление обращений на *du/ni* постепенно уходит, оставляя лишь неформальный вариант *du* и соответствующий ему минимум в использовании титулов. Проблема выбора *du/ni* остается лишь в минимальном количестве коммуникативных ситуаций, но пока остаются в ходу соответствующие глаголы *att dua/att nia* (обращаться на «ты»/«Вы»).

Проследим историю выражения уважительности в сравниваемых языках. Для этого обратимся к классическому исследованию Роджера Брауна и Альберта Гилмана «Местоимения власти и солидарности» (“The pronouns of power and solidarity”), где авторы обсуждают особенности обращений в английском, французском, немецком, итальянском и испанском языках [1]. Как известно, английский язык не имеет средств выражения уважительности посредством личных местоимений. Исторически местоимение 2 лица единственного числа *thou* «ты» было вытеснено несколько веков назад местоимением 2 лица множественного числа *you* «вы». Возникшая омонимия не позволяет различать ни в речи, ни на письме, обращаются ли к одному лицу или к группе, не го-

воря уже о выражении уважительности. Архаичная форма *thou* сохранилась только у классиков и в Библии.

По мнению Р. Брауна и А. Гилмана, объяснение принципов выбора фамильярного vs. уважительного варианта в рассматриваемых ими языках следует искать в латинских местоимениях *tu* и *vos*. В латинском языке существовало только местоимение *tu*, равно пригодное при обращении и к цезарю, и к рабу. По одной из версий, вежливое обращение на «вы» (лат. *vos*) родилось на закате Римской империи при обращении к императору в IV веке, ведь их тогда было два — Западной и Восточной Римской империи. Такой перевод во множественное число встречается также в форме первого лица — императорское «мы» вместо «я» (ср. рус. «Мы, Николай Второй, император и самодержец всероссийский» или знаменитое клише королевы Виктории «Мы недовольны») — с целью подчеркнуть свою власть. Перевод во множественное число является своеобразным повышением статуса.

В своем эволюционном учении о семантике местоименных обращений Р. Браун и А. Гилман исходят из понятий *власть* и *солидарность*. Так, семантика первых местоименных обращений была построена на отношениях власти и/или статусности, тем самым предполагая их асимметричный характер (император обращался к своему подданному на «ты», в то время как подданный обращался к императору на «вы»). Но уже в XIX веке на смену приходит семантика солидарности или интимности, предполагающая обращение на *du* в ситуациях, когда участники коммуникации испытывают чувство солидарности по отношению друг к другу, в то время как *ni* становится маркером дистанцирования. В этой связи небезынтересно провести следующую параллель: английскому местоимению *you* изначально соответствует шведское *ni* («вы»).

Можно предположить, что уважительные местоимения, в частности лат. *vos*, поначалу были маркированными, настолько они были редкими. Мы исходим из определения маркированности, которое дает И. А. Мельчук: «Маркированность — это, грубо говоря, некоторая нестандартность означающего» [2]. По мере дальнейшего развития языка уважительные формы меняются местами с фамильярными в части маркированности. В своей новой немаркированной роли уважительная форма может полностью вытеснить фамильярную. Это и произошло в английском языке, где *you* бесповоротно вытеснила *thou*.

По мнению И. А. Большакова, вначале маркированные, уважительные местоимения адресовались к знати. Знать была количественно многочисленной, но обращающихся к ней было гораздо больше, что и повело к закреплению новых форм в языке. Дальнейшее распространение уважительных местоимений автор объясняет внедрением в широкие массы буржуазной идеи равенства всех сословий перед законом: взрослую личность следовало уважать обращением вне зависимости от сословия, к которому эта личность принадлежит. Быть может, раннее закрепление прав личности в английских законах типа *Habeas corpus* способствовало ускоренному вытеснению фамильярно-домашнего *thou* вежливо-отстраненным *you* в этой стране. Тогда Англия была единственной англоязычной страной в мире, и это определило судьбу *you* в английском языке в целом [3].

Местоименные обращения *du/ni* в шведском языке не раз становились предметом исследования ряда шведских ученых. Среди них в первую очередь нам хотелось бы отметить диссертацию П. Алгрена [4], работы Б. Паулстон [5], Б. Сигурда [6], Э. Мортенссон [7], М. Фремер [8], Л.-Г. Андерссона [9] и др. В шведском языке изначально, так же, как и в английском, существовало только одно местоимение *du* для обращения в единственном числе — аналог англ. *thou* (см. выше). Начиная с XIV века под влиянием немецкого языка фиксируется употребление местоимения *I* («вы», местоимение 2 лица множественного числа) в качестве знака уважения. Сначала сфера его употребления была маркированной, так как оно функционировало в среде высокопоставленных людей того времени. Приблизительно в XVII—XVIII веках *I* получает широкое употребление и закрепляет за собой статус немаркированности, в то время как *du* становится маркером интимности/солидарности. В XVI веке при обращении стали использовать титулы, а также местоимения третьего лица *han* («он») и *hon* («она»).

Форма *ni* возникла позднее как производное от *I* путем добавления *n* от предшествующей личной формы глагола: *sägen I / sägen ni*, 'say you'¹. В разговорном языке форма обращения *ni* стала широко употребляться предположительно с начала XVII века. Первое употребление этой формы датируется 1615 годом, хотя в письменном языке она укрепились лишь с середины XVIII века. Таким образом, формы обращения *I* и *ni* существовали параллельно (при этом *I* считалась более уважительной формой) до начала XX века, когда обращение *ni* окончательно вытеснило *I*.

К концу XVIII века форма обращения *ni* получила полное признание шведской знати, находившейся под влиянием французского языка, а в 1786 году уже члены Шведской академии обращались друг к другу на *ni*. Но несмотря на это, в 1800 году произошли бурные акции протеста с целью искоренить форму обращения *ni* из употребления, что в свою очередь усилило использование титулов.

В сельской же местности напротив именно в XIX веке становится очень популярным обращение на *ni* как к своим родителям, так и к людям старшего возраста. В то время как традиция обращения к своим родителям на *ni* осталась далеко в прошлом, сегодня есть случаи употребления *ni* по отношению к людям старшего возраста².

В 1850-е годы была сделана не имевшая успеха попытка заменить использование титулов и званий местоимением *ni*, так называемая *ni-reformen* («вы-реформа»). В итоге *ni* стало использоваться как менее вы-

¹ Подробнее об этимологии местоимения *ni* см. [4].

² См. работу Э. Мортенссон [7], где она констатирует широкое употребление *ni* среди молодого поколения, в то время как люди старшего возраста однозначно предпочитают *du*. Мортенссон полагает, что новая волна «выканья» вызвана общим интересом к вопросам этикета, а также изменениями в обществе. Возросшая конкуренция вынуждает искать дополнительные языковые средства для создания хорошего впечатления на влиятельных людей. Она отмечает, что те, кто сегодня использует *ni* в качестве обращения в единственном числе, не имеют ни малейшего представления о ранее существовавших негативных коннотациях, связанных с этим местоимением. Молодое поколение воспринимает *ni* как уважительную форму вежливого обращения, а не как маркер дистанцирования.

зывающая форма *du*, используемая для обращения к людям более низкого социального статуса.

С либерализацией и радикализацией шведского общества в 1960-е годы эти ранее значительные различия между социальными классами стали менее важными, и в шведском языке произошло очень существенное изменение — так называемая *du-reformen* («ты-реформа») — когда *du* стало стандартным обращением даже в формальном и официальном контекстах. Вот как об этом пишет Л.-Г. Андерссон: «В 60-е годы было само собой разумеющимся, что ученики не обращались на “ты” ни к учителям, ни к незнакомым людям. В 70-е годы стало таким же само собой разумеющимся, что ученики стали обращаться к своим учителям на “ты”. При этом не перестаешь удивляться тому, как быстро произошло в языке такое большое изменение» (Перевод наш. — Н.Л.) [9]. Сама реформа была проведена в 1969 году. Ее прародителем считают Б. Рэкседа, который в 1967 году ввел обращение на «ты» в возглавляемом им Управлении здравоохранения.

Почему же форма обращения *ni* так и не закрепила за собой статус немаркированности в шведском языке? П. Альгрен приводит следующие доводы для объяснения сложившегося лингвистического феномена в шведском языке. Как известно, знать XVIII века обращалась друг к другу на *ni*, но когда у собеседников их социальный статус не совпадал, то к человеку более низкого социального статуса обращались на *ni*, а он в свою очередь отвечал обращением с использованием титула. Следствием такого невозвратного обращения стало приобретение у местоимения *ni* оттеночного снисходительного значения. Кроме этого, параллельно существовавшая форма *I* считалась более благозвучной, в то время как *ni* рассматривалась как неправильная форма, возникшая в результате «ошибочной» ассимиляции окончания глагола. Немаловажную роль сыграло и изменение ценностного отношения к старости при переходе от аграрного общества к индустриальному, когда возраст уже больше не являлся показателем статуса. Более того, сегодня многие люди скорее обидятся, если их примут за стариков [4].

Таким образом, обращение на «ты» воспринимается как норма в современном шведском языке и даже располагает собеседников друг к другу.

Интересный пример, служащий доказательством вышесказанному, мы находим у С.Г. Тер-Минасовой: «Например, в учебнике шведского языка есть текст с историей о том, как туристку из России задержала полиция из-за мелкого недоразумения с паспортом. В полицейском участке допрашивающий русскую девушку дежурный обращается к ней на “ты”. В шведском языке это нормально: если бы он ее назвал на “вы”, это был бы плохой признак, так как “вы” указывало бы на то, что он считает девушку виноватой и сохраняет формальную дистанцию» [10, с. 151 — 152].

Подведем итоги нашего небольшого исторического экскурса. Фамильярное обращение на «ты» в современном шведском языке, ставшее нормой даже в формальном и официальном контекстах, рассматривается нами как одна из стратегий позитивной вежливости, нацеленной на сближение коммуникантов. В английском же языке мы наблюдаем совершенно противоположную картину — практически повсеместно принятое обращение на «вы» (англ. *you*) является не чем иным, как ис-

торически сложившейся стратегией негативной вежливости, нацеленной на социальное дистанцирование.

Список литературы

1. *Brown R., Gilman A.* The Pronouns of Power and Solidarity // P.P. Giglioli (red.). *Language and Social Context*. Harmondsworth, 1972 (1960). P. 252–282.
2. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. *Wiener Slavistischer Almanach*, 1997. Т. 1.
3. Большаков И.А. Выражение уважительности с помощью личных местоимений в ряде европейских языков // Труды Международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. URL: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=6645&y=2201&vol=6077>
4. *Ahlgren P.* Tilltalsordet ni. Dess semantic och användning i historiskt perspektiv. *Studia Philologiae Scandinavicae Upsaliensia* 12. Uppsala, 1978.
5. *Paulston Ch.B.* Pronouns of address in Swedish: social class semantics and a changing system // *Language in Society*. 1976. №5. S. 359–386.
6. *Sigurd B.* Changes in Swedish address terms described by power-solidarity diagrams // *Working papers* 24, Linguistics-Phonetics, Lund University, 1982. S. 59-79.
7. *Mårtensson E.* Det nya niandet // *Nordlund* 10, Institutionen för nordiska språk i Lund, 1986. S. 35–79.
8. *Fremmer M.* Tilltal och omtal i samtal // *Språkbruk* 2, 1998. S. 10–17.
9. *Andersson L.-G.* 1968 och språket // *Frispel: festskrift till Olle Edström* / red. av A. Björnberg. Göteborg, 2005. P. 269–279.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Об авторе